

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

К.А. Левинсон

**О ЗАВИСИМОСТИ СТАТУСА ДИСЦИПЛИН
ОТ КУЛЬТУРНО-РЕГИОНАЛЬНОГО
КОНТЕКСТА**

(на примере стенографии)

Препринт WP6/2011/05

Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва

2011

УДК 81.22
ББК 81
ЛЗ6

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

ЛЗ6 **Левинсон, К. А.** О зависимости статуса дисциплин от культурно-регионального контекста (на примере стенографии) : препринт WP6/2011/05 [Текст] / К. А. Левинсон ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 32 с. – 150 экз.

В статье показано, как стенография, наиболее интенсивное развитие которой пришлось на XIX – первую половину XX в., утвердила за собой на сравнительно долгий срок статус не только учебной, но и исследовательской дисциплины в различных институциональных и регионально-культурных контекстах. Связано это было с тем, что – особенно в Германии – разработка новых стенографических систем происходила в обстановке интенсивных научных поисков, направленных на рационализацию письменности в целом. Системно-теоретическая и преподавательская деятельность велась как в существовавших учебных заведениях, так и в специально созданных стенографических институтах, а также на курсах при стенографических обществах.

УДК 81.22
ББК 81

В данной научной работе использованы результаты проекта «Формирование дисциплинарного поля в социальных и гуманитарных науках в XIX–XXI вв.», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 г. Номер гранта ТЗ-51.0.

Левинсон Кирилл Алексеевич – ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>.**

© Левинсон К. А., 2011
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

В данной статье будет предпринята попытка в рамках case study – на примере одной дисциплины и её судьбы в нескольких странах на протяжении примерно ста лет – осуществить эмпирическую проверку нескольких гипотез, имеющих значение для исследования истории дисциплинарного поля гуманитарных наук в XIX–XX вв.

Рассматриваемые гипотезы таковы (порядок их изложения не означает иерархизации).

Гипотеза первая заключается в том, что не только национально-государственные, но и культурно-региональные условия представляют собой важнейший фактор, без учёта которого невозможно адекватное понимание судьбы наук. В особенности для раннего периода может оказаться эвристически полезным рассматривать не некое единое трансконтинентальное гуманитарное дисциплинарное поле, а ряд отдельных полей, сложным образом взаимодействовавших друг с другом через политические и культурные границы. С одной стороны, во второй половине XIX в. на смену вселенской «республике учёных» пришла эпоха национальной науки, и гуманитарные дисциплины испытали огромное, порой даже определяющее воздействие националистического поворота общественной мысли. Но, с другой стороны, особенно в «запоздавших нациях», в государствах с поздней и/или низкой централизацией и гомогенизацией научной жизни, региональный партикуляризм в течение длительного времени играл, возможно, не менее важную роль, чем объединительные тенденции.

Гипотеза вторая предполагает существование более или менее значительных отличий между ситуациями в разных институциональных контекстах. Говоря о становлении дисциплинарного поля гуманитарных наук, подразумевают обычно те институциональные процессы, которые происходили в европейских и – позже – в американских университетах. Именно эти учреждения служили тогда и в значительной мере служат по сей день основными, если не исключительными, местами формирования и трансформации научных дисциплин как областей исследования и вместе с тем как учебных предметов (эти параметры включают в себя, например, смены исследовательских и учебных программ, кадровые преобразования, создание, упразднение или переориентацию кафедр, факультетов, исследовательских подразделений, численность студентов и т.п.).

Необходимо воздать должное тому факту, что шли эти процессы в университетах не изолированно, а во взаимодействии с по меньшей мере тремя другими видами институтов. К таковым относятся, во-первых, чисто научно-исследовательские учреждения, число которых в тот период сначала было сравнительно невелико, но возросло и в XX в. было уже значительным, а собранные в них научные кадры пользовались зачастую большим авторитетом. Во-вторых, – другие виды учебных заведений: вузы более узкого профиля, учреждения среднего специального образования, курсы профессиональной подготовки и т.п.: они не только воспроизводили знание, но и разрабатывали методы, и готовили кадры для его трансляции за пределы научного сообщества. Их пропедевтическая практика могла порождать специфический опыт и стимулировать междисциплинарную рефлексию. В-третьих, – профессиональные периодические издания, редакции и авторы которых зачастую оказывали весьма ощутимое идейное влияние на исследовательские программы (ярчайшим примером чего может служить Школа «Анналов»). Таким образом, «жизненные траектории» научных и учебных дисциплин могут обнаруживать как общие, так и специфические для той или иной институциональной формы характеристики.

Гипотеза третья состоит в том, что факторы, о которых только что было сказано, касаются не только демаркационных линий между областями исследовательских интересов или между разделами учебных программ, но и позиции дисциплин: признание за той или иной сферой занятий статуса прикладной или фундаментальной, теоретической или практической могло определяться в какой-то (подлежащей эмпирическому выяснению) степени местными научно-идеологическими, прагматическими, кадровыми и другими причинами.

В качестве объекта исследования выбрана для данной статьи стенография. Такой выбор может показаться странным или, во всяком случае, требующим некоего обоснования: по сравнению, например, с историей или филологией стенография вообще кажется не «наукой», а лишь способом записи информации, и в наши дни она практически не фигурирует в числе дисциплин, преподаваемых в гуманитарных вузах или изучаемых в исследовательских учреждениях. Однако этот образ её, стоящий перед глазами сегодняшнего наблюдателя, как будет показано ниже, сам по себе уже есть результат эволюции, чем лишний раз доказывается необходимость исторического исследования данной области.

Конечно, стенография никогда не была крупной наукой, если мерить по числу людей или организаций, профессионально занимавшихся в её рамках именно исследовательской деятельностью, добывавших новое знание. Но, во-первых, если судить по числу тех, кто это знание ретранслировал, а тем более по числу тех, кто его организовано усваивал, то масштаб стенографии как учебной дисциплины окажется для второй половины XIX – начала XX вв. весьма внушительным (см. ниже). Во-вторых, такой численный показатель вообще не определяет релевантности объекта для изучения: мышь не менее интересна для науки, чем слон. Жанр case study не предполагает претензий на обобщения, но позволяет в легко обозримых масштабах уточнить постановку проблемы и опробовать некоторые подходы к её решению. Для такого формата представляется адекватным рассмотрение небольшой дисциплины, т.е. такой, кадровый и институциональный состав которой сравнительно невелик: этим облегчается охват источникового материала. Стенография же наряду с данным удобством отличается ещё и тем, что её «большая судьба» как собственно научной дисциплины на сегодняшний день уже закончилась: таким образом, перед нами более или менее завершённая траектория, и по крайней мере с этой точки зрения, излагаемые ниже выводы¹ могут претендовать на некоторую устойчивость.

* * *

Итак, что такое стенография сегодня и чем она была 100–150 лет назад? В наши дни это техника ручной обработки текста, причём стремительно устаревающая. В середине XX в. владение ею требовалось от всех секретарей и делопроизводителей, а в ряде стран было даже непременным условием для приёма на государственную службу вообще, и уроки стенографии были, например, в германских и австрийских школах и гимназиях обычным делом – в качестве факультативов, а в коммерческих училищах она преподавалась в качестве обязательного предмета. Сейчас уже никто не обязан уметь стенографировать, а список учебных заведений, в которых этому учат, становится всё короче. Шеф стенографической службы одного из земельных парламентов ФРГ, имеющий в своём подчинении 12 сотрудников, отмечает, что, несмотря на хорошую опла-

¹ Здесь приводятся только частичные выводы исследования, проводимого автором на протяжении последнего года. Обзор историографии и источников, их критика, описание собственно аналитических процедур оставляются за рамками данного изложения.

ту, квалифицированных специалистов всё труднее найти². Если не считать парламентов (и то не во всех странах), стенографистов всё реже сегодня привлекают для протоколирования, несмотря на то, что количество заседаний, требующих протокола, не становится меньше. Число студентов, которым нужно конспектировать лекции, или работников, которым надо делать записи на совещаниях, не убывает, а скорее возрастает, однако стенографируют они сегодня гораздо реже, чем 100–150 лет назад. В огромной мере это объясняется, конечно, появлением новых технических средств: диктофонов и компьютерных программ, переводящих устную речь в письменный текст. Однако ими пользуются не во всех ситуациях, где раньше широко применялась стенографическая запись. Возможно, падение популярности стенографии отчасти объясняется действием тех же механизмов, которые управляют колебаниями моды вообще и моды в письменности в частности³.

Так или иначе, уходит в прошлое эта техника скоростной записи, возникшая ещё в Античности⁴ и пережившая период своего наиболее массового распространения и наиболее интенсивного качественного развития в XIX – первой половине XX в., когда всё чаще стали протоколироваться заседания законодательных органов, собрания общественных организаций, конгрессы и т.п. – а их, по политическим причинам, в те годы становилось всё больше: формировались гражданское общество и парламентский государственный строй. Именно тогда возникли те «экологические ниши», в которых профессиональные стенографисты до сих пор находят пропитание и признание: постоянные парламентские стенографические бюро, заказы по протоколированию отдельных мероприятий, а также преподавание стенографии – самовоспроизводство профессии. Позже, по мере увеличения числа капиталистических предприятий и связей между ними во второй половине и ближе к концу XIX в. добавилась наиболее крупная, массовая ниша: стенографирование в писмоводительской практике. Она вместила в себя в том числе и огромное количество женщин, вышедших на рынок труда: «Общественные условия нашего времени [1903 г. – К. Л.] зачастую вынуждают девушек самих вставать на ноги и самостоятельно обеспечивать своё существова-

² (Miethe 2011).

³ О моде в письменности см. (Levinson 2003).

⁴ Традиционно родоначальником стенографии считают Тирона – секретаря Цицерона, изобретшего значки, с помощью которых он мог записывать речи своего господина. «Тироновы ноты» были в ходу на территории бывшей Римской империи до XII в.

ние. Важным средством к получению самостоятельной работы выступает для женского пола стенография, позволяющая им обеспечивать себе хороший доход таким способом, который соответствует женской натуре»⁵. Так на рубеже XX в. у писарей-мужчин появились многочисленные соперницы, секретарши-«стенотипистки», которые, вооружившись блокнотом и карандашом, быстро записывали под диктовку шефа деловые письма, а потом перепечатывали их на пишущей машинке. Для одних из них этот утилитарный навык был лишь средством заработка, для других – ещё и способом закрепиться в деловой среде и получить шанс на более высокую должность и/или на приобретение мужа или любовника с хорошим положением⁶.

На протяжении большей части своей истории и в большинстве стран, где ею пользовались, стенография была вспомогательной системой по отношению к обычной письменности: она использовалась постольку, поскольку для написания (или напечатания) букв традиционных алфавитов требовалось слишком много времени. Срок службы стенографической записи был короток: её обычно как можно скорее расшифровывали, т.е. переводили в традиционный буквенный текст, которым в дальнейшем и пользовались. Впрочем, были – особенно в поздний период, период расцвета – исключения из этого правила: во-первых, довольно часто люди, хорошо владевшие стенографией, оставляли записи для личного пользования нерасшифрованными. Им самим было понятно, что написано у них в блокноте, а посторонним и не следовало этого понимать. Во-вторых, в конце XIX в. появилась печатная продукция, набранная стенографическим шрифтом: статьи в специальных журналах, сборники прозы и поэзии, Новый Завет в переводе Лютера⁷ и другие книги, предназначенные для чтения именно в таком виде, а не для расшифровки. Пусть эта лите-

⁵ См. (Einhundert Jahre).

⁶ Близкий к нам ранний пример – Анна Сниткина, стенографистка, нанятая Ф.М. Достоевским из чисто меркантильных соображений (его финансовые интересы напрямую зависели от сроков сдачи романа «Игрок») и ставшая впоследствии его женой. В германской прессе, в том числе профессиональной, из этого аспекта карьеры стенографистки не делалось секрета: «Девушки, умеющие записывать 200 слогов в минуту, имеют все шансы и им открыта дорога замуж», – читаем мы в вестнике Эрингенского стенографического общества ещё в 1954 г. См. (Einhundert Jahre).

⁷ См., например, *Correspondenzblatt des königlich-Sächsischen Stenographischen Instituts; Deutsche Stenographenzeitung; Das Neue Testament unseres Herrn und Heilandes Jesu Christi, übersetzt von D. Martin Luther. Erste deutsche stenographische Ausgabe / Übertragen und autographiert von Heinrich Krieg, Professor am königl. stenographischen Institut zu Dresden. Dresden, 1870* и др. издания, перечисленные в каталоге (Hiel 1880).

ратура и была по суммарным тиражам очень невелика в сравнении с обычной, всё же подобному чтению теоретически могли бы предаваться на тот момент несколько миллионов (!) жителей немецкоязычной части Европы, обучавшиеся стенографии⁸.

Однако не всегда и не везде стенография была лишь чисто прикладной, практической дисциплиной. В Германии⁹ она в течение ста с лишним лет представляла собой и поле теоретических изысканий окололингвистического характера, и поле идейных битв. Связано это было с теми процессами, которые протекали в немецком научном мире и в сфере образования в XIX в.

«Долгое» девятнадцатое столетие (т.е. период примерно с 1806 до 1918 г.) было той эпохой, когда путем целенаправленных усилий учёных и политиков были постепенно зафиксированы и частично реформированы нормы для литературного верхнегерманского языка, включая орфографические. До того правописание определялось обычаем и мнениями авторов авторитетных словарей (Аделунга, Готшета и др.), единые и общеобязательные правила отсутствовали и, соответственно, орфографии не придавалось особого значения¹⁰. Под влиянием националистических, объединительных тенденций в обществе возникло движение за единую орфографию для единого немецкого народа. С другой стороны это движение поддерживали учителя, говорившие о потребности в едином стандарте для преподавания и контроля¹¹, а также, зачастую, о необходимости

⁸ В рамках только одной из множества немецких стенографических систем на рубеже XIX–XX вв. число обучающихся составляло более четырёх миллионов – см. http://de.wikipedia.org/wiki/Franz_Xaver_Gabelsberger.

⁹ Под «Германией» применительно к периоду до 1871 г. я имею в виду немецкий культурно-языковой ареал, включающий как государства, объединившиеся потом в Германскую империю, так и будущую Австрию (Австро-Венгрию). Не менее важную роль, чем различия и барьеры между этими государствами, играла в описываемых процессах и всё усиливавшаяся в них тенденция к интеграции и унификации.

¹⁰ Это видно хотя бы по тому, что в издательском деле не разделялись функции редактора и корректора: получив из типографии первый оттиск, человек, нанятый издательством (т.е. обычно не штатный сотрудник, а литератор, работавший на дому по контракту), правил всё: и стиль, и грамматику, и опечатки, и такие ошибки, которые мы сегодня называем орфографическими. Свидетельства об этом можно найти как в «гонорарных книгах» издательств (например, Deutsches Literaturarchiv Marbach, Cotta-Archiv. Verlag Cotta, Honorar-Buch Nr. IV, von 1854 bis 1868), так и в переписке, например, издателя Унгера с Шиллером, Гумбольдтом, Гёте: (Biedermann 1927, 15, 22 et passim).

¹¹ Школ и гимназий – особенно в Пруссии – открывалось все больше, количество учеников в них возрастало, и, соответственно, множилось количество ситуаций, когда учителя чувствовали потребность в некоем авторитетном обосновании, которое позво-

усовершенствовать этот стандарт, чтобы сделать его усвоение более лёгким, быстрым и надёжным. Кроме того, в сторону усовершенствований подталкивало и изменение хозяйственной жизни – экономическая модернизация, движение в сторону индустриального капитализма: оно было заметно во всех сферах жизни и, в частности, постоянно демонстрировало те немедленные и серьёзные преимущества, которые приносили изобретения, дававшие экономию ресурсов, особенно времени: «Все устремления сводятся к тому, чтобы экономить время, где только можно, дабы употребить его на другие, более прибыльные цели»¹². Рационализация повседневно осуществлялась не только в технике, но и в том, что принадлежало скорее к областям природного или божественного: инженеры и чиновники спрямляли русла рек, ускоряя движение судов по ним, меняли время (вводя единое «железнодорожное» вместо астрономического), создавали всё более быстрые средства транспорта и передачи информации, основываясь на достижениях науки. По мере интеграции германских государств отменялись многие барьеры между ними – таможенные пошлины, различие валютных систем и законов. Поэтому идея усовершенствования немецкого языка и, в частности, его графического отображения увлекала многих прогрессивно мыслящих образованных людей. Сразу по нескольким направлениям шли изыскания и дебаты, нацеленные на реформирование, усовершенствование письменности. Одним из этих направлений было стремление молодой университетской германистики поставить немецкую орфографию на «научную», т.е. историческую, этимологическую основу. Это, впрочем, означало отказ от множества устоявшихся (пусть и «неправильных») написаний, поэтому попытки профессоров немецкого языка переучивать гимназистов на историческую орфографию встречали протесты и со стороны учеников, и со стороны родителей, и, в конце концов, со стороны властей. С историческим соперничало другое течение – фонетическое, т.е. попытки приблизить орфографию к произношению, чтобы человек мог, не тратя времени на заучивание и припоминание сложных норм, писать, как говорит и слышит. Введение такой орфографии потребовало бы сначала достижения единого произношения, а это было утопической целью в стране, где царило разнообразие местных говоров и даже не все образованные люди одинаково владели орфоэпической нормой верхненемецкого литератур-

ляло бы однозначно сказать: это слово пишется так, а не иначе. Подробнее об этом см. в статье (Левинсон 2006). Там же см. ссылки на литературу.

¹² (Tolle, o.S.).

ного языка. И эти, крайние, и более умеренные реформаторские устремления были нацелены на то, чтобы сделать орфографию более логичной и последовательной, а тем самым, во-первых, более простой и лёгкой для изучения (как немецкими школьниками, так и иностранцами – это было важно с точки зрения экономического присутствия на зарубежных рынках), во-вторых – более рациональной и прогрессивной (это особенно подчёркивалось ссылками на реформы в других странах, от которых Германии стыдно было бы отставать). Одновременно и с той же рационализаторской целью предлагали законодательно перевести немецкую письменность с так называемого «готического» (в Германии он назывался тогда «немецким») шрифта на латинский, который был в то время принят уже во всех остальных западноевропейских странах, а в Германии большинством типографий использовался только для иноязычных слов и текстов. Отказ от готики означал бы, что детям в школе пришлось бы учить не восемь алфавитов, а всего четыре¹³, и иностранцам потребовалось бы меньше усилий и времени на изучение письменного немецкого языка.

Каждая из этих реформаторских программ сталкивалась с достаточно сильным интеллектуальным и организационным сопротивлением, которое в филологических и педагогических кругах получало рациональные обоснования, порой с достаточно глубоко научно фундированной аргументацией, а в широкой общественности имело по большей части характер инерции, предпочтения привычного¹⁴. Отдельную «территорию», где власть традиции почти не действовала, а потому нововведения могли возникать и распространяться намного быстрее и легче, представляла собой практически не существовавшая прежде в Германии новая система письма: стенография. Изобретая собственную систему, её создатель был свободен в выборе принципов и правил, а максимальная рационализация была изначальной целью, поэтому он обычно подвергал своё детище усовершенствованиям, исходя из опыта практики. То же происходило и после смерти основателя: его ученики и последователи продол-

¹³ Имеются в виду прописные и строчные буквы в рукописной и печатной разновидностях.

¹⁴ Этим процессам посвящена обширная (в основном немецкоязычная) литература как в историческом языкознании, так и в других исторических субдисциплинах – истории письменности, истории школы, истории права, истории книжного дела и т.д. Давать здесь обзор этих процессов и их исследования не представляется возможным. Этой теме посвящена статья (Левинсон 2005). Там же можно найти ссылки на литературу.

жали совершенствовать систему, хотя это было уже труднее, так как требовало всякий раз достижения более широкого консенсуса.

Стенографических систем в немецкоязычном ареале возникло в XIX в. множество. Первая – она была адаптацией английской – появилась в самом конце XVIII в.¹⁵ Однако действительно массовое распространение стенография получила в первой половине XIX в., после того, как появилась собственно немецкая система, разработанная баварцем Францем Ксавером Габельсбергером. Она использовалась лично автором уже в 1820-х гг. на службе в Баварском ландтаге, а опубликована была в 1834 г. (усовершенствованный вариант – в 1849 г.). Немного позже – в 1841 г. – опубликовал плоды своих многолетних усилий изобретатель другой немецкой стенографической системы – Генрих Август Вильгельм Штольце. Впоследствии появились десятки других систем, как построенных на базе одной из этих двух, так и сочетавших их принципы, а в некоторых случаях и независимых от них обеих. Но они не получили сравнимого с ними распространения. В начале XX в. в результате правительственных постановлений была введена Единая немецкая стенография, которая представляла собой синтез нескольких систем. Однако обзор истории немецкой стенографии не входит в задачи данной статьи¹⁶; здесь будет речь только о том, как две наиболее распространённых системы – Габельсбергера и Штольце (либо возникшая на её основе система Штольце – Шрая) по-разному позиционировались идеологически и какова была их судьба как предметов преподавания в академической области.

Хотя в XIX в. сравнительно быстро шла интеграция, в ходе которой всё больше германских государств либо втягивались в политическую и культурную орбиту Пруссии, либо полностью аннексировались ею, южные государства относились к прусской гегемонии амбивалентно. Помимо конфессиональных различий между католическим югом и лютеранским севером, играл роль и традиционный партикуляризм, ещё не сдавший позиции единому «германскому» национальному сознанию. И подобно тому как каждое государство во второй половине XIX в. ввело у себя собственную орфографию, в большей или меньшей мере от-

¹⁵ Имеется в виду стенографическая система Мозенгайля (1796), представлявшая собой адаптацию английской системы Тэйлора к немецкому языку. Большого распространения она не имела, и последующие системы не родственны ей.

¹⁶ К классическим работам по истории стенографии относятся (Faulmann 1895) и (Johnen 1940). Новейшие работы – (Mosser u. a. 1990) и (Kaden 1999), а также (Schneider, Blauert 1936—2006).

личную от прочих, стенография оказалась тоже до известной степени втянута в эти процессы и конфликты; каждая из систем рассматривалась (причём не только её сторонниками) как воплощение тех или иных ценностей, отчасти ассоциировавшихся с Севером (в особенности с Пруссией), либо с Югом (в особенности с монархиями, стремившимися сохранить некоторую независимость от Пруссии).

Ф.К. Габельсбергер, католик, жил и творил в Мюнхене. Его система получила наибольшее распространение, а со временем и стала абсолютной преобладающей, в странах южной части немецкоязычного ареала, прежде всего в Баварии, Саксонии и Австрии. Г.А.В. Штольце, лютеранин, жил и работал в Берлине. Его система завоевала Пруссию¹⁷ и те страны, которые были завоёваны Пруссией, плюс протестантскую Швейцарию.

Если система Габельсбергера именовалась «искусством» (либо безоценочно – «искусством речевых знаков» – *Redezeichenkunst*, либо хвалебно – «высоким искусством»), то система Штольце и его последователей называлась «научной»¹⁸. Связано это было с тем, что в основе лежала «у Габельсбергера – гениальная интуиция, у Штольце – железная последовательность»¹⁹. В системе Габельсбергера некоторые буквы не обозначались, схожие звуки обозначались одинаково, а легко восстанавливаемые по контексту части слов и предложений пропускались, так что расшифровка написанного требовала известного воображения («интуиции»), а зачастую и допускала разные варианты прочтения. Габельсбергер свою систему создавал и совершенствовал, не избегая неопределённостей и противоречий, нередко используя «оппортунистические», несогласованные друг с другом решения для частных случаев. Многие остав-

¹⁷ Впрочем, в Пруссии существовало довольно значительное число приверженцев иных систем, в том числе и последователей Габельсбергера. Правительство в Берлине намеренно и подчёркнуто не отдавало предпочтения ни одной из школ, придерживаясь рыночного принципа и предоставляя им свободно конкурировать. Это проявлялось не только в принципах найма стенографистов на государственные должности (в рейхстаге, например, работали одновременно представители нескольких разных систем), но и в символических актах: например, кайзеру не рекомендовали разрешать прусскому принцу Фридриху Леопольду отвечать согласием на приглашение стать почётным председателем конгресса одной из систем, поскольку другими системами это могло бы быть истолковано как знак предпочтения. См. письмо заместителя министра по делам религии, образования и медицины фон Каппиуса кайзеру Вильгельму от 18 августа 1912 г. *Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, I HA Rep. 89 Geh. Zivilkabinett, jüngere Periode, Nr. 21380.*

¹⁸ (Steinbrink 1879).

¹⁹ (Menz 1920, 83).

лялось на волю пишущего. Это делало его стенографию гибкой и – при известном уровне квалификации – сравнительно удобной в применении, но сложной в изучении, а также очень затруднило предпринятую его последователями работу по унификации правил системы. Что же касается целевой группы, то идеал Габельсбергера был скорее элитистским: он мечтал сделать стенографию достоянием «всех образованных людей», что означало в то время только представителей средних и высших слоёв буржуазии и дворянства.

Трудность и непоследовательность габельсбергеровой стенографии, как указывали её критики, вели к тому, что лишь немногие ученики даже после длительных занятий были способны действительно быстро и правильно вести записи с её помощью. Шел поиск альтернативных решений, которые легче давались бы учащимся. Путь к такому облегчению берлинец Вильгельм Штольце усматривал в большей строгости и последовательности правил, а достичь этого он рассчитывал путём постановки дела на научную основу. В соответствии с принципами научности Штольце, много лет изучавший стенографические системы прошлого, проработавший огромную литературу по историческому языкознанию и комбинируя теорию Беккера, Гримма и Гумбольдта, принёс в стенографию «дух точности, регулярности и полноты»²⁰. Он создал систему, в которой выписывались почти все буквы и были «полностью соблюдены филологическая правильность и постоянная устойчивость орфографических обозначений (принципы, которые Пруссия взяла на вооружение, отличая себя тем самым от южногерманских государств)»²¹. Тем самым Штольце «остановил распространение более летучего²² габельсбергерова “искусства речевых знаков” по всей Германии». Его идеалом было превратить стенографию во всеобщее письмо, которое полностью сменило бы традиционный алфавит, позволяя экономить время, место и силы как при обучении, так и при записи и расшифровке текстов. Соответственно, целевой группой системы Штольце были «все». И в самом деле, с течением времени на курсах ей стали обучаться и рабочие, и ремесленники. С одной стороны, штольцеанцы ставили это себе в заслугу,

²⁰ (Kurzschrift).

²¹ См.: http://de.wikipedia.org/wiki/Heinrich_August_Wilhelm_Stolze. Отметим, что ценностные ориентации середины XIX в. всё ещё присутствуют в тексте этой статьи Википедии, размещённой в интернете и открытой для редактирования.

²² В оригинале – *leichtfüßiger* – дословно «легконогий», т.е. движущийся быстро и грациозно. Сам этот эпитет вызывает ассоциации с танцем, подчеркивая близость к искусству.

с другой стороны, они признавали, что «усиленный приток из низших слоёв общества» отпугивал представителей более «чистой публики»²³.

Обучение стенографии происходило несколькими способами: во многочисленных стенографических обществах («ферайнах»), путём индивидуальных частных уроков, в группах на курсах, а также в обычных учебных заведениях. В рамках данной статьи мы сосредоточим внимание на последнем варианте.

Изобретатели и поборники каждой из систем стремились убедить власти в полезности стенографии для учащихся школ, гимназий и университетов: «Она включает в себя важные элементы образования, которые в других учебных предметах либо вовсе не наличествуют, либо не в такой степени; ... она станет средством ... преподавать элементы образования, которые... без стенографии не могли бы быть усвоены»²⁴. Стенографисты проводили бесплатные демонстрационные занятия, после чего в некоторых случаях – например, в Баварии и в Австрии – власти предписывали введение уроков стенографии в гимназиях в качестве курсов по выбору или факультативов, тогда как в Пруссии власти долгое время лишь позволяли преподавателям стенографии безвозмездно проводить уроки в гимназических помещениях после уроков, а в программу этот предмет не включали. Обусловлено это было, с одной стороны, нежеланием прусского правительства отдавать предпочтение какой-то одной системе, а с другой стороны – опасениями, что одновременное изучение обычной орфографии (которое помимо начальной школы продолжалось ещё и в первых классах гимназии) и стенографии с её иными принципами записи устной речи будет детей только запутывать и сбивать с толку. Кроме того, в стенографии многие учителя и чиновники просто не усматривали тех полезных для образования элементов, на наличии которых делали акцент её сторонники²⁵. Ситуация, впрочем, постепенно менялась, и в начале XX в. в Пруссии тоже стали допускать, а потом и предписывать введение стенографии в учебные планы гимназий на факультативной основе. Уроки по этому предмету вели, как правило, не учителя, а

²³ Эти слова Макса Беклера, одного из ведущих деятелей системы Штольце – Шрайя, злорадно цитировали его конкуренты из системы Меркеса. См. (Merkesiana, 78).

²⁴ (Tietz 1865, 291f.). Следует отметить, что ежегодник, в котором была опубликована эта статья, печатался не «немецким», а «латинским» шрифтом: в этом тоже проявлялась его направленность.

²⁵ О том, что суждения лиц, принимавших отрицательные решения о необходимости преподавания стенографии в гимназиях, базировались на предрассудках и незнании предмета, аргументированно писал Тиц – (Tietz 1865, 293ff.).

специалисты, приходившие от стенографических ассоциаций, – по крайней мере до тех пор, пока не подросло новое поколение учителей, которые уже сами умели стенографировать хотя бы на элементарном уровне.

Таким образом, в большей части немецкоязычного ареала стенография вошла в ряд официально признанных учебных дисциплин на уровне общего среднего образования.

Произошло, хотя не повсеместно, и её вхождение в высшую школу, причём в разном качестве – в зависимости от государства и от типа учебного заведения.

В большинстве стран мира стенографии отводили место в ряду прикладных дисциплин, связанных с делопроизводством, – каллиграфии, машинописи, бухгалтерского учёта и т.д. Например, в США, где К.Д. Ушинский во время своего путешествия в 1850-х гг. отмечал как курьёз, что «кое-где вы с изумлением встречаете кафедры стенографии»²⁶, во второй половине XIX стали во всё большем числе открываться целые отделения стенографии (**shorthand department**), **зачастую с несколькими преподавателями**, причём не только в бизнес-колледжах, – например, таких как сеть **Bryant & Stratton Business College, основанная в 1854 г. и существующая до сих пор**²⁷, – но и в университетах, таких как Сасквеганский университет в Пенсильвании: на 1906 г. отделение стенографии этого заведения обнаруживало «устойчивый рост» и обещало «стать одним из наиболее популярных отделений». Здесь вообще обучение стенографии если не отождествлялось с обучением основам бизнеса, то, во всяком случае, было его важнейшей составляющей: «Основательное коммерческое образование (Commercial education), с практическим владением стенографией, – самое ценное приобретение, каким могут обладать юноша или девушка, вступающие в деловую жизнь», – говорилось в университетском ежегоднике²⁸.

В Баварии стенография преподавалась в Мюнхенском университете уже в первой половине XIX в.: была создана специальная кафедра, и занимал её сам Габельсбергер. Однако после его смерти найти преемника оказалось затруднительно: по распоряжению баварского Министерства внутренних дел от 1842 г. лица, желавшие преподавать стенографию,

²⁶ (Ушинский 1990, 227).

²⁷ Правда, сегодня стенография ни в этих колледжах, ни в других учебных заведениях США, в отличие от Германии, уже не преподаётся.

²⁸ (Susquehanna University, 1).

должны были сдавать специальный экзамен в соответствии с правилами, установленными самим Габельсбергером. При его жизни такой экзамен сдал всего один человек – патер Грацмюллер из Аугсбурга. Он стал в 1848 г. вести первые в Баварии публичные занятия по стенографии за пределами Мюнхена – в аугсбургской гимназии св. Стефана. А когда после смерти Габельсбергера (1849) правительство намеревалось поручить Грацмюллеру кафедру стенографии в Мюнхенском университете, настоятель не отпустил патера из Аугсбурга²⁹. Больше о судьбе этой университетской кафедры пока ничего не известно. Но в 1869 г. стенография была введена уже в качестве обязательного учебного предмета в Мюнхенской торговой школе.

Преподавательские и даже доцентские должности по специальности «стенография» в разные годы существовали в нескольких германских университетах: в Бреслау (там в 1902–1903 гг. на философском факультете преподавателем стенографии на безвозмездной основе работал директор земского суда Макс Зайле³⁰, а в 1927 г. преподавателем стенографии был выпускник того же философского факультета, теперь уже доктор, М. Лаугвиц³¹); в Кёнигсберге (какое-то время в середине – второй половине XIX в. там была доцентская должность по этому предмету³²); в Киле (1935–1942)³³, возможно и в других университетах – это предстоит выяснить. В германских коммерческих училищах и академиях торговли стенография преподавалась в конце XIX – начале XX в. повсеместно, а в 1920-е гг. была сделана обязательным предметом там, где раньше изучалась по выбору.

В Австрии стенографию уже в середине XIX в. преподавали как прикладную дисциплину в Венском и Пражском университетах и в других высших учебных заведениях: «апостол стенографии в Австрии»³⁴ Игнац Якоб Хегер, бросив карьеру юриста и полностью посвятив себя стенографии, получил в 1838 г. разрешение от властей на проведение публичных занятий в Вене. В 1842 г. он был назначен экстраординарным про-

²⁹ (Dankerl, *passim*).

³⁰ (Universität Breslau, 1903, 7).

³¹ (ИНК Breslau 1927, 27).

³² Это можно заключить из биографической справки об Эрнсте Густаве Теодоре Хайнрихе (1839–1898), который занимал данную должность в течение неуказанного времени.

³³ (Asmussen 2007, 21).

³⁴ Так, очевидно со слов Габельсбергера, называет его автор биографической статьи (Bauer 1880).

фессором стенографии в Венской политехнической академии, а годом позже получил право читать лекции о стенографии в университете³⁵. После смерти Хегера в 1854 г. его дело продолжил будущий адвокат и председатель Центрального общества стенографистов-габельсбергерявцев Австрийской империи в Вене Эрнст Поссаннер фон Эренталь: в последний год своей учёбы на юридическом факультете Венского университета и недолгое время спустя (1854–1856) он работал преподавателем стенографии как в университете, так и в Политехническом институте³⁶. Когда в 1858 г. была основана Венская торговая академия, профессором стенографии в ней стал Леопольд Конн. Это был опытный практик без высшего образования, который своей неутомимой деятельностью фактически в одиночку ввел обычай стенографирования в большинство австрийских государственных учреждений, редакций газет и венских адвокатских контор, а также стал преподавать стенографию в средних учебных заведениях, обеспечив, с одной стороны, практически полное господство системы Габельсбергера³⁷ в Вене, а с другой стороны – открыв дополнительную возможность заработка для стенографистов, оставшихся без работы после того, как в 1849 г. прекратил свою деятельность рейхстаг в Кромержиже³⁸.

С конца 1850-х гг. почти все преподавание стенографии в Вене постепенно сосредоточил в своих руках Карл Фаульман – тоже практик без высшего образования, хотя и приобретший значительные познания в типографском деле и в истории письменности. В 1861 г. он сдал экзамен на право преподавания стенографии, с 1864 г. «унаследовал» от Конна ведение занятий в гимназиях, с 1869 г. преподавал в Терезианской рыцарской академии, с 1876 г. – в Венском университете и т.д. В 1868 г. он стал членом государственной комиссии по проведению экзаменов на право преподавания стенографии по системе Габельсбергера, в 1878 г. по-

³⁵ Ibidem.

³⁶ (ÖBL 1981, 222).

³⁷ (Johnen 1903); (Faulmann 1895, 83).

³⁸ (Faulmann 1895, 77). Вообще надо сказать, что преподавание на курсах, в ферайнах и на факультативах стенографисты вели бесплатно (деньги с учеников взимались только на накладные расходы – учебники, тетради с прописями, отопление и освещение классов), но если им удавалось получить место в учебном заведении либо найти частных учеников, то владение стенографией начинало приносить помимо экономии ещё и некоторый доход (и даже требовало оформления промыслового свидетельства), причём даже тем, кто владел ею не очень хорошо, так как в отличие от стенографирования в парламентах, судах и т.п. у преподавателя шанс на заработок не зависел напрямую от достигнутой им скорости.

лучил в университете постоянную должность преподавателя стенографии, а в 1884 г. за научные и литературные заслуги в этой области император Франц Иосиф присвоил ему ученое звание профессора стенографии³⁹, что, однако, не означало создания кафедры.

Ещё стараниями Хегера была создана стенография для чешского языка; для других языков многонациональной Австро-Венгрии тоже были разработаны адаптации, которые с тех пор преподавались в специальных высших учебных заведениях Чехии, Словакии, Венгрии (в том числе и после распада империи) – например, в Праге помимо Карлова университета ещё в Торговой академии. О прикладном характере этих курсов говорит такой пример: в 1903–1904 г. один и тот же преподаватель вёл в академии занятия по стенографии и каллиграфии. Зарплата его, приравненная к окладу учителя государственной средней школы, составляла 2400 крон (вероятно, в год)⁴⁰. Ни профессоров, ни доцентов среди тех, кто вёл в пражской Торговой академии занятия по данному предмету, не было.

На общем фоне отношения к стенографии как к утилитарному предмету выделяется ситуация в некоторых университетах Пруссии и Саксонии. В Берлинском университете в 1851 г. была учреждена – по всей видимости, на философском факультете – должность приват-доцента, а затем (1864) и кафедра стенографии. Сделано это было специально для Густава Михаэлиса (1813–1895), который занимался не просто преподаванием практических навыков скоростной записи, а научными изысканиями в области усовершенствования графической формы языка вообще. Получив в Гёттингене математическое и естественнонаучное образование, Михаэлис переехал в Берлин и в течение некоторого времени преподавал дисциплины этого цикла в различных учебных заведениях. Уроки стенографии он брал у самого Штольце – основателя одной из двух крупнейших немецких стенографических систем. Со временем Михаэлис всё больше внимания уделял вопросам усовершенствования письменности: разрабатывал более простые и логичные варианты орфографии (как немецкой, так и английской), адаптировал стенографическую систему Штольце к другим языкам и вносил в неё улучшения, а также ратовал за переход от готического шрифта к латинскому. В 1845 г. он оставил все математические и естественнонаучные занятия и полностью посвятил себя работе, связанной с письменностью: практиковал как сте-

³⁹ (Johnen 1904); (Bürgerstiftung Halle).

⁴⁰ (Ministerium für Kultus und Unterricht 1903, 183).

нографист, в том числе и в парламенте, преподавал стенографию и написал несколько сравнительно небольших работ об орфографии как исторического или справочного, так и реформаторского характера, причём соображения о реформе немецкого правописания он выдвигал (1854) с позиции стенографа-штольцеанца, т.е. предлагая приблизить его к фонетической записи. Стенографии он придавал не только научное, но и педагогическое значение. На протяжении многих лет, с 1853 по 1879 г., Михаэлис был издателем и основным автором журнала, который сначала носил название «Журнал по стенографии», а с 1856 г. – «Журнал по стенографии и орфографии в научном, педагогическом и практическом отношении»; на его страницах он доказывал, что использование стенографических принципов позволит радикально оптимизировать письменность. Успеха на этом поприще он не добился. Несмотря на все пропагандистские усилия Михаэлиса и других adeptов стенографии, фонетизация немецкого правописания даже не обсуждалась всерьёз на Первой и Второй орфографических конференциях (1876, 1901), которые были созваны правительством в Берлине, чтобы закрепить (и при этом минимально усовершенствовать) нормы орфографии. Михаэлис был хорошо знаком с протоколом заседаний первой конференции⁴¹ и видел, что языковеды, преподаватели и книгоиздатели, решавшие судьбу немецкого правописания, были весьма далеки от сколько-нибудь радикальных реформаторских намерений. Возможно, поняв, что ни учёные, ни общественность его идеи воспринять не готовы, Михаэлис и прекратил издание своего журнала и реформаторских брошюр. Во всяком случае, с конца 70-х гг. он, насколько можно судить по библиотечным каталогам, ничего нового не публиковал, и прежние его публикации, кроме одной⁴², никогда не переиздавались. Очевидно, он полностью посвятил себя практической работе на посту главы Стенографического бюро верхней палаты прусского парламента (эту должность он занимал с 1855 по 1889 г.). Кроме того, он до глубокой старости продолжал преподавать стенографию в университете, профессором которого оставался (сохранилось свидетельство о том, что ещё в 1891 г. он приглашал людей на свой курс⁴³), однако преемника на этой должности у него не было. В Берлинском университете образование долговечной кафедры и институционализация сте-

⁴¹ Свои соображения по этому поводу он изложил в работе (Michaelis 1876).

⁴² (Michaelis 1863/1883).

⁴³ См.: <http://www.zvab.com/angebote/michaelis.html>.

нографии как теоретической или как практической дисциплины не состоялись.

В Лейпцигском университете кафедра не была создана, но во второй половине XIX – начале XX вв. было прочитано около полутора десятков курсов, в той или иной степени касавшихся практики, теории или истории стенографии⁴⁴: в летнем семестре 1854 г. д-р философии Карл Краузе читал «Курс обучения габельсбергеровой стенографии по учебнику, изданному тремя членами королевского стенографического института в Дрездене», «Курс для продолжающих, которые принимали участие в курсе обучения, состоявшемся в прошлом зимнем семестре», и «Учение о тироновых нотах и их применении к филологии ... на лат. языке». Затем последовал долгий перерыв, а интенсивное занятие этим предметом началось в предвоенное десятилетие XX в., причём добавились курсы, в которых речь шла о более общих теоретических и исторических вопросах языкознания, с которыми связана стенография: с 1907 по 1912 гг. несколько курсов прочёл д-р медицины Артур Блахштайн – «Сравнительный обзор важнейших немецких стенографических систем с особым вниманием к системе Габельсбергера», «Упражнения в габельсбергеровой стенографии для деловой корреспонденции (для начинающих)» и «Теория и практика учения о сокращении предложений (для продолжающих)», «Избранные главы из стенографической педагогики и методики с учетом требований для государственного экзамена для преподавателей стенографии (с упражнениями)», «Учение о сокращении предложений и упражнения по скоростному письму для продолжающих (совместно с канд. мат. Карлом Малером)», «Всеобщая история стенографии (в качестве подготовки к государственному экзамену для преподавателей)», «Пограничные графические зоны: пазиграфия, так называемые искусственные языки и фонетическое письмо», «Об анаграмматике (с особым вниманием к проблеме Шекспира – Бэкона)», «О габельсбергеровой стенографической системе (сокращение предложений и перенос на другие языки)», «Введение в габельсбергерову систему с учетом немецкой фонетики», «Шекспир – Шелтон – Бэкон как анаграмматик и стенографист» и т.п. В 1907–1910 гг. эти занятия шли как «Стенографические курсы университетского научного общества “Габельсбергер” в университете», затем как курсы самого Блахштайна, который с 1909 г. занимал учреждённую в университете в 1908 г. должность «преподавателя стенографии» (Lek-

⁴⁴ Сведения о курсах и читавших их лекторах взяты из интернет-ресурса (Vorlesungsverzeichnisse), охватывающего период с 1814 по 1914 г.

tor der Stenographie) и иных курсов не вёл. С зимнего семестра 1913 г. его место занял его младший соратник Рудольф Вайнмайстер, который за два года прочел курсы: «История усилий по созданию единой немецкой стенографии, с обзором важнейших немецких стенографических систем Нового времени (одновременно подготовка к государственному экзамену для преподавателей стенографии)», «Габельсбергерово сокращение предложений в теории и практике (для слушателей всех факультетов)», «Стенография Габельсбергера за рубежом (одновременно подготовка к государственному экзамену для преподавателей стенографии)», «Габельсбергерово сокращение предложений с практическими упражнениями в повышенной скорости (для слушателей всех факультетов)». Продолжались ли подобные курсы в Лейпцигском университете после 1914 г., пока установить не удалось, но известно, что Блахштайн в военные годы практиковал как врач⁴⁵ и никогда ничего больше не публиковал (хотя и прожил до 1940 г.), а Вайнмайстер выпустил ещё несколько работ по стенографической тематике в послевоенный период. Блахштайн, Вайнмайстер и Малер вместе попытались в 1911 г. выпускать «Германский ежегодник стенографии, изучения письменности и анаграмматики»⁴⁶, однако дальше первого номера дело не пошло.

Таким образом, деятельность Блахштайна, по словам Вайнмайстера, «обеспечила стенографии в Лейпцигском университете признание в качестве поддисциплины науки о письменности (Schriftkunde)»⁴⁷, хотя и трудно пока сказать, надолго ли. Отметим два обстоятельства: во-первых,

⁴⁵ Карьера этого человека сама по себе любопытна. Еврей, сын дрезденского банкира, Артур Георг Израэль Блахштайн родился в 1863 г., закончил Корнелльский университет (Нью-Йорк) со степенью бакалавра искусств (В.А.). Затем он изучал медицину в Лейпциге, Мюнхене, Берлине и Гёттингене, сдал в Лейпциге государственный экзамен и защитил диссертацию, после чего работал у лейпцигского физиолога Людвиг (тема – газы в крови), затем у Пастера в Париже. В 1880-х гг. как врач от германского Красного Креста был на болгарско-сербском театре военных действий, потом работал в Императорском институте экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге и в 1891 г. по поручению российского правительства руководил научной экспедицией в Баку по изучению холеры. На рубеже веков Блахштайн оставил занятия медициной, вернулся в Лейпциг и посвятил себя исследованиям в области юриспруденции и языкознания, в частности славянских языков и эсперанто. С начала Первой мировой войны он стал практиковать в Лейпциге как врач и снижал известность, вылечивая раствором хризондина безнадежные случаи энтерита у детей. Габельсбергероной стенографии Блахштайн выучился ещё в школе. В Америке он подробно изучил английскую систему Питмэна, а позже исследовал возможности переноса системы Габельсбергера на славянские языки. (Weinmeister 1955).

⁴⁶ (Blachstein 1911). Другие номера в каталогах библиотек не значатся.

⁴⁷ (Weinmeister 1955).

когда Блахштайн и его соратники рассказывали о стенографии, речь они вели преимущественно о системе Габельсбергера, которая обычно называлась, причём не только в устах её сторонников, скорее «искусством», нежели «наукой». Тем не менее (и это – второе) место, пусть и не очень большое, и ненадолго, она в Лейпцигском университете получила именно среди наук о языке – и в этом отличие ситуации здесь от того, что мы наблюдаем в тот период в других странах.

Резюмируя, можно сказать, что XIX и начало XX в. были временем, когда стенография, всё больше входившая в практическое употребление и одновременно служившая свободным полем инновационной деятельности для тех, кто стремился разрабатывать более рациональные системы письменности, вошла в состав образовательных дисциплин и преподавать её стали в учебных заведениях различного уровня, включая университеты. В разных странах немецкоязычного ареала ситуация была разной: в одних (Бавария, Австрия) стенография рано стала официальным учебным предметом, в других же (Пруссия) она долго существовала в гимназиях «на птичьих правах». Важное различие состоит также в том, что если в большинстве случаев эта дисциплина преподавалась как прикладная, то в Лейпцигском университете ей было отведено место среди наук филологического цикла и лекции носили отчасти теоретический и исторический характер. Есть основания предполагать, что и в Берлинском университете занятия г. Михаэлиса тоже не были чисто практическими. Однако преобладание, не говоря уже об академических школах, ни в одном университете не сформировалась, институционального закрепления стенографии как университетской дисциплины не произошло. Недолгая её «научная» карьера в высшей школе завершилась с уходом первого (и последнего) поколения профессоров стенографии, видевших в ней нечто большее чем утилитарный навык.

Это, однако, не означает, что теоретическая работа прекратилась: главными местами, в которых она велась и продолжала вестись, были не университеты, а организации стенографистов (ферайны, ассоциации, союзы разного уровня⁴⁸) и Королевский саксонский стенографический институт в Дрездене.

⁴⁸ Вот два примера такой научно-теоретической работы: в конце 50-х гг. XIX в. именно мюнхенская центральная ассоциация стенографистов-габельсбергеранцев взяла на себя ведущую роль в деле теоретической доработки системы и устранения её противоречий и накопившихся в локальных (баварских, саксонских, австрийских) вариантах различий.

Этот институт был для своего времени учреждением уникальным. Он был создан в 1839 г. учеником Габельсбергера – Францем Якобом Вигардом, первым парламентским стенографистом Саксонии. В задачи института входили, во-первых, обучение (и среди его сотрудников несколько человек получили звание профессоров); во-вторых, стенографирование заседаний ландтага и других публичных собраний; в-третьих, институт должен был следить за всеми новыми явлениями в области стенографии и давать им экспертную оценку. В частности, при активном участии его сотрудников были выработаны в 1857 г. так называемые «Дрезденские постановления», призванные устранить или смягчить разногласия, возникшие между австрийскими, баварскими и саксонскими последователями Габельсбергера. Кроме того, этот институт публиковал книги по истории и теории стенографии, по методике её преподавания, а также статистические данные. Если в первое время его деятельность была направлена на обслуживание нужд системы Габельсбергера, то постепенно (и особенно после введения Единой немецкой стенографии в 1924 г.) он превратился в центральную информационную и экспертную инстанцию по стенографии вообще. Этому немало способствовала его специальная библиотека, содержащая литературу по всем системам и насчитывавшая к концу XIX в. ок. 7000, а к 1966 г. около 55000 томов более чем на 50 языках. В 1906 г. институт был – при сохранении прежних функций – переименован в «Земельное стенографическое ведомство» и просуществовал до 1966 г.⁴⁹

В немецкоязычном ареале дрезденский институт так и остался единственным в своем роде, но в других странах подобных учреждений было впоследствии создано достаточно много: в 1851 г. появился Фонетический институт (система Питмэна) в Бате, имевший отделения в Лондоне и Нью-Йорке; изобретатель одной из французских систем Дюплуайе создал Французский стенографический институт двух миров⁵⁰ в Париже в 1872 г., а затем к нему добавились Стенографический институт Юго-Западной Франции в Бордо и Новый стенографический институт в Алжире. В XX в. существовали стенографические институты в Праге, Бра-

А в 90-х гг. XIX в. силами штольцеанских стенографических ассоциаций Ф.В. Кэдинг осуществил гигантский исследовательский проект по статистическому анализу частотности слов, слогов и звуков в немецком языке с целью выработки оптимальных знаков для наиболее часто встречающихся сочетаний. См. (Faulmann 1895).

⁴⁹ (Meyers 1888); http://de.wikipedia.org/wiki/Stenographisches_Institut.

⁵⁰ То есть Старого и Нового Света.

тиславе, Киеве, Одессе, в 1930–1940 гг. в Москве (затем преобразован в Высшие центральные педагогические курсы стенографии, просуществовавшие до 1953 г.⁵¹), в Софии и т.д.⁵² Все они занимались – в различных пропорциях – обучением, проведением конкурсов и квалификационных экзаменов для практиков и преподавателей, изданием специальной литературы, а также системно-теоретической работой.

* * *

Итак, мы можем сделать следующие выводы относительно гипотез, выдвинутых в начале.

Гипотеза о зависимости судеб дисциплин от региональных культурных контекстов нашла своё подтверждение в том смысле, что в немецких землях в силу шедших там в XIX в. политических и интеллектуальных процессов зоны господства или преимущественного распространения «искусства» Габельсбергера и «науки» Штольце-Шрая в большой мере совпадали с зонами религиозного и политико-идеологического доминирования южных католических монархий либо протестантской Пруссии (хотя важное исключение составляет лютеранская Саксония с её дрезденским институтом – оплотом габельсбергерянецев). То же можно сказать и о различных вариантах закрепления стенографии в качестве школьного (гимназического) учебного предмета.

Гипотеза о различии между ситуациями в разных институциональных контекстах нашла подтверждение: в немецких университетах мы зачастую наблюдаем лишь эпизодическое присутствие стенографии в качестве учебной дисциплины и нигде не видим отношения к ней как к области исследований. Совершенно иначе выглядит её «дисциплинарная биография» в гимназиях, где она постепенно закрепились в качестве хотя бы факультативного учебного предмета. А подлинной базой её служили стенографические общества и институты: в них на протяжении многих десятилетий преподавание совмещалось с усовершенствованием систем, а также борьбой за сохранение их единства; они были организационными формами существования профессионального сообщества, выпускали большую часть специальной периодики и литературы.

Относительно третьей гипотезы можно констатировать, что эпизоды вхождения стенографии в университеты в статусе теоретической дисциплины

⁵¹ См.: http://gzos.ru/main_history.htm.

⁵² (Юрковский 1969).

плины объясняются, по всей видимости, наличием на местах соответствующих интеллектуальных сил, обладавших достаточной «пробивной способностью» в организационном отношении, а не научной политикой ректоров и местных властей, конфессиональными или регионально-культурными факторами. В коммерческих же училищах и им подобных учебных заведениях среднего и высшего профессионального образования стенография и в Германии, и в других странах нашла себе долговечную институциональную базу в статусе прикладной дисциплины, кадры которой составляли не столько выдающиеся теоретики, сколько практики.

Как уже отмечалось в начале статьи, жанр case study не претендует на значительные обобщения. Тем не менее, теперь, в результате проверки выдвинутых гипотез, можно ожидать, что и при исследовании эволюции дисциплинарного поля гуманитарных наук в более широком масштабе вполне могут быть обнаружены те важные феномены, которые были зафиксированы на проанализированном здесь примере. Во всяком случае, необходимость повышенного внимания к ним получила дополнительное обоснование.

Источники и литература

Asmussen G. (2007) Findbuch des Bestandes Abt. 47: Christian-Albrechts-Universität Kiel. Teil 1: 1665–1945 // Veröffentlichungen des Landesarchivs Schleswig-Holstein. Band 90. Hamburg, 2007. S. 21. URL: http://hup.sub.uni-hamburg.de/opus/volltexte/2008/73/pdf/HamburgUP_LASH90_Findbuch47.pdf.

Bauer E. (1880) Artikel “Heger, Ignaz Jacob” // Allgemeine Deutsche Biographie / herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Band 11 (1880). S. 275–276 (Digitale Volltext-Ausgabe in Wikisource. URL: [//de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:Heger,_Ignaz_Jacob&oldid=1365867](http://de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:Heger,_Ignaz_Jacob&oldid=1365867)).

Biedermann F. Frhr. v. (1927) Johann Friedrich Unger im Verkehr mit Goethe und Schiller. Berlin, 1927.

Blachstein A. (1911) Deutsches Jahrbuch für Stenographie, Schriftkunde und Anagrammatik / Unter Mitwirkung von R. Weinmeister und K. Mahler hrsg. von A. Blachstein. Bd 1. 1911. Leipzig, 1911.

Bürgerstiftung Halle. Johann Christoph Karl Faulmann (1835–1894) URL: <http://www.buergerstiftung-halle.de/bildung-im-voruebergehen/faulmann/>.

Dankerl E. Chronik des Stenographen-Zentralvereins Gabelsberger in München e.V. – gegründet 1849. URL: http://www.stzv.de/chronik%20stzv/chronik_des_stenographenvereins.htm.

Einhundert Jahre. Einhundert Jahre rationelles Schreiben. URL: <http://romancechat.reocities.com/CollegePark/Library/4886/chronik.html>.

Faulmann K. (1895) Geschichte und Litteratur der Stenographie. Wien, 1895.

Hiel K. (1880) Verzeichniss der stenographischen Literatur (Druckwerke und Kunstgegenstände) Deutschlands und der wichtigsten gleichartigen Erscheinungen des Auslandes. Leipzig, 1880.

IHK Breslau (1927). Handbuch der Industrie- und Handelskammer Breslau. Breslau 1927. URL: www.dbc.wroc.pl/dlibra/plain-content?id=8349.

Johnen C. (1903) Artikel “Conn, Leopold” // Allgemeine Deutsche Biographie / herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Band 47 (1903). S. 510–511 (Digitale Volltext-Ausgabe in Wikisource. URL: de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:Conn,_Leopold&oldid=1362806).

Johnen C. (1940) Allgemeine Geschichte der Kurzschrift. 4., völlig neu bearb. Aufl., Berlin, 1940.

Johnen C. (1904) Artikel “Faulmann, Karl” // Allgemeine Deutsche Biographie / herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Band 48 (1904). S. 500–504 (Digitale Volltext-Ausgabe in Wikisource. URL: [//de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:Faulmann,_Karl&oldid=981198](http://de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:Faulmann,_Karl&oldid=981198)).

Kaden W. (1999) Neue Geschichte der Stenographie. Von der Entstehung der Schrift bis zur Stenographie der Gegenwart. Dresden, 1999.

Kurzschrift. Geschichte der Kurzschrift. URL: <http://www.steno.ch/htm/120.htm#biografien>.

Levinson K. (2003) Mode in der Schrift. Zur graphischen Gestaltung der deutschen Handschriften in der Frühen Neuzeit // Text als Realie. Internationaler Kongress in Krems an der Donau, 6.–10. Oktober 2000 (= Veröffentlichungen des Instituts für Realienkunde des Mittelalters und der Frühen Neuzeit, Nr. 18). Wien, 2003. S. 395–406.

Menz A. (1920) Geschichte der Stenographie. 2., verb. Aufl., Berlin und Leipzig, 1920.

Merkesia (1901). Merkesiana. Fachblatt zur Förderung des Merkes’schen Stenographie-Systems. Juni-Nummer 1901.

Meyers (1888) Gabelsberger // Meyers Konversations-Lexikon. Leipzig, 1888. S. 6.818. URL: http://www.peter-hug.ch/lexikon/06_0818.

Michaelis G. (1863/1883) Ueber die Physiologie und Orthographie der Zischlaute, mit besonderer Rücksicht auf die Heysesche Regel. Zugleich als zweite Auflage der Schrift. Berlin, 1883.

Michaelis G. (1876) Die Ergebnisse der zu Berlin vom 4. bis 15. Januar 1876 abgehaltenen orthographischen Konferenz. Berlin, 1876.

Miethe (2005) “Stenografie ist kein Studiengang, sondern lediglich als Hobby zu wählen”. Interview mit Gerd Miethe, dem Leiter des Stenografischen Dienstes. URL: http://www.n-21online.de/y/n_21/LT_artikel.asp?OR=234&MP=3&MPU=1.

Ministerium für Kultus und Unterricht (1903) Verordnungsblatt für den Dienstbereich des Ministeriums für Kultus und Unterricht / Redigiert im k. k. Ministerium für Kultus und Unterricht. Jahrgang 1903. Wien, 1903.

Moser F., u. a. (1990) Lebendige Kurzschriftgeschichte. Ein Führer durch Kurzschriftlehre und Kurzschriftgeschichte. 9. Auflage Darmstadt, 1990.

ÖBL (1981). Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950. Bd. 8 (Lfg. 38). Wien, 1981.

Schneider L., Blauert G. (1936–2006). Geschichte der deutschen Kurzschrift / Hg. von L. Schneider, G. Blauert. Wolfenbüttel, 1936. Erweitert im Oktober 2006 von Dr. Eva Scheithauer-Waldron, Enkelin von Karl F. Scheithauer.

Steinbrink G. (1879) Über den Begriff der Wissenschaftlichkeit auf dem Gebiet der Stenographie. Berlin, 1879.

Susquehanna University (1906). Susquehanna University – Lanthorn Yearbook (Selinsgrove, PA). Class of 1906.

Tietz J. (1865) Ein Urteil über die Verhandlung, welche auf der 15. Versammlung der Directoren der Westphälischen Gymnasien und Realschulen zu Soest, am 13. bis 17. October 1863, über den Unterricht in der Stenographie an den höheren Lehranstalten stattgefunden hat // Neue Jahrbücher für Philologie and Paedagogik / Begründet von J. Chr. Jahn. Gegenwärtig herausgegeben von Alfred Fleckeisen, Professor in Dresden, und Hermann Masius, Professor in Leipzig. Fünfunddreißigster Jahrgang. Zweiundneunzigster Band. Zweite Abteilung – für Gymnasialpädagogik und die übrigen Lehrfächer mit Ausschluss der classischen Philologie / Hg. von H. Masius. Elfter Jahrgang. Leipzig, 1865.

Tolle E. Lernt stenographiren! Berlin, o.J.

Universität Breslau (1903). Chronik der Königl. Universität zu Breslau für das Jahr vom 1. April 1902 bis 31. März 1903. Jahrgang 17. Breslau,

1903. URL: http://www.archive.org/stream/chronikderknigl00bresgoog/chronikderknigl00bresgoog_djvu.txt.

Vorlesungsverzeichnisse. Historische Vorlesungsverzeichnisse der Universität Leipzig. URL: <http://histvv.uni-leipzig.de/suche/?volltext=Stenographie&dozent=&von=1814w&bis=1914s&fakultaet=Theologie+Philosophie+Jura+Medizin&start=1&l=20>.

Weinmeister R. (1955) Blachstein, Artur Georg Israel // *Neue Deutsche Biographie* 2 (1955). S. 283. URL: <http://www.deutsche-biographie.de/pnd102616469.html>.

Левинсон К.А. (2005) «Устранение необоснованного многообразия»: нормирование письменности в Германии XIX в. и его общественный контекст // *Одиссей: человек в истории*. 2005. М., 2006. С. 221–260.

Левинсон К.А. (2006) Ашыпки, или Что значит «писать правильно»? // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. 2006. № 8. 271–295.

Ушинский К.Д. (1990) О народности в общественном воспитании // *Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 1 / сост. С.Ф. Егоров*. М., 1990.

Юрковский А.М. (1969) *Стенография сквозь века*. М., 1969.

Levinson, Kirill. Shorthand and its status in different national and cultural settings : Working paper WP6/2011/05 [Text]/K. Levinson ; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. – 32 p. – 150 copies (in Russian).

The article shows how shorthand was able to secure for itself the status of a research discipline during the time of its most intense development in the nineteenth and twentieth centuries. This had to do with the fact that – especially in Germany – new shorthand systems were designed within the context of scholarly efforts aimed at rationalization of writing as a whole. Theory development and teaching activity took place both in existing educational institutions and at specially created shorthand institutes as well as in classes offered by shorthand societies. Therefore, shorthand’s failure to establish as a university discipline did not mean its death as a field of knowledge and learning. The case study shows that regional factors may play as decisive a role in a discipline’s fate as national ones, leaving us unable to consider many different regional cases as a single disciplinary field.

Препринт WP6/2011/05
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Левинсон Кирилл Алексеевич

**О зависимости статуса дисциплин
от культурно-регионального контекста
(на примере стенографии)**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,9
Усл. печ. л. 1,9. Заказ № . Изд. № 1384

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15

